

Валентина Никитина

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ

Валентина Никитина
ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ

«Издательские решения»

Никитина В.

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ / В. Никитина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514083-8

Книга повествует о жизни семьи, начиная с революции 1917 года и заканчивая шестидесятыми годами прошлого века. События затрагивают историю жизни людей, прошедших революцию, войну, лагеря и выживших в трудных ситуациях, но сохранившие свое отношение к жизни, счастью и любви.

ISBN 978-5-00-514083-8

© Никитина В.
© Издательские решения

Содержание

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ	7
Содержание	8
Глава 1 – На Земле Русской	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ

Валентина Никитина

Редактор Николай Евгеньевич Ефимов

© Валентина Никитина, 2020

ISBN 978-5-0051-4083-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Пишу я эту книгу в память тех,
Чья кровь легла на подмосковный снег.*

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ

Повесть

Содержание повести основано на реальных событиях из жизни людей, в судьбы которых вмешались революция, советская власть и война. Однако, они с честью и достоинством прошли через все испытания и несчастья, не поддавшись искушению лжи, предательства и подлости. Время действия охватывает период с 1917 по 1960 годы прошлого столетия. Исторические факты изложены на основании архивных документов и воспоминаний Вострилова А. В., Фуфаева П. И., Пуховой А. И. Имена и место действия изменены в соответствии с художественным замыслом автора.

Москва 2018 г.

Содержание

Страницы

Глава 1. – На земле русской. 1—6	
Глава 2. – Ураган, кому – беда, кому – подарок 7—12	
Глава 3. – В каждой деревне свои порядки.13 -21	Глава 4. – Монастырский устав по-русски скроен. 22—25
Глава 5. – Доброе братство лучше богатства. 26—32	
Глава 6. – Где власть – там страх и обида 33—39	
Глава 7. – Жизнь кого ласкает, а кого к себе не пускает. 40 47	Глава 8. – По ком звонил колокол. 48 – 50
Глава 9. – Клевета и ложь вместе ходят. 51 – 56	Глава 10. – Бесстыжих глаз и дым неймет. 57 – 65
Глава 11. – Воля – неволя, такая наша доля. 66 – 69	Глава 12. – Первым делом – самолеты. 70 -71
Глава 13. – Когда жизнь и гроша не стоит. 72 – 79	Глава 14. – Каков ты есть – такова и честь. 80 – 82
Глава 15. – Кто за родину дерется – тому сила дается..... 83 – 86	Глава 16. – Ты и баба и мужик. 87 – 88
Глава 17. – Пришла беда – открывай ворота. 89 – 98	Глава 18. – Судьбу не обмануть. 99 – 102
Глава 19. – Каждому – свое. 103 – 106	Глава 20. – Если не вместе, то душа не на месте. 107 – 109
Глава 21. – Правда суда не боится. 110 – 118	Глава 22. – Время научит что делать. 119 – 122
Глава 23. – Не было бы счастья, да несчастье помогло. 123 – 129	Глава 24. – Счастье дороже богатства. 130 – 135
Глава 25. – Жизнь продолжалась. 136 – 146	

...Как ныне собирается вещей Олег Отмстить неразумным хазарам, Их села и нивы за буйный набег Обрек он мечам и пожарам...

Глава 1 – На Земле Русской

В Муромских лесах, недалеко от Саровской пустыни, где земля особенно благодатна, затерялось старинное село Видово.

История села началась в 17 веке. Граф Шереметев, получивший в подарок от императрицы здешние леса, послал туда 12 караульщиков леса. Жили они в землянках, пока не

возвели рубленые дома из первоклассного леса и не перевезли в них свои семьи.

По существующей в селе легенде известно, что граф П. Б. Шереметев проиграл в карты половину поселенных в селе крепостных крестьян другому феодалу, генерал-фельдмаршалу, тоже графу, И. В. Гудовичу. С тех пор, вплоть до Советской власти, существовали в селе две независимые друг от друга крестьянские общины, которые постоянно сходились друг с другом для беспощадных драк.

Из поколения в поколение передавалась дедами и бабками другая легенда, связанная с крестьянским восстанием Емельяна Пугачева.

Рядом с селом, в дремучем лесу, возле озера располагался один из пугачевских отрядов, которым командовал Суюль. Еще ближе к селу жил с разбойниками его помощник Савой. Оба они были высоки, широкоплечи, носили за поясами широкие ножи, в руках пики, а на голове бараньи шапки. Жили они в шатрах, перед которыми день и ночь горели костры.

Жители села в то время, не могли надолго отлучаться от дома.

Пугачевцы, во время отсутствия в селе мужиков, уводили из дворов лошадей, резали коров, брали соты из ульев. Нередко обижали женщин и детей, и не дай бог кому осмелиться сопротивляться грабежу, мучали и убивали беспощадно.

После нападения разбойников на обоз с золотом, идущий в Москву по лесной дороге, возле села выставили пикеты вооруженных казаков. Окруженные и загнанные в тупик разбойники утопили в озере основную добычу золотого обоза, разобрав то, что можно унести с собой.

А вскоре отряд регулярных царских войск догнал и разбил всю шайку разбойников. Разговорам и легендам об утонувшем в озере кладе не было конца. Да и сейчас есть охотники отыскать то

золото из обоза, которое разбойники опустили на дно озера. Но даже водолазы не могли достать его дна.

Октябрьский переворот 1917 года беспощадно разделил всех живущих в селе, на «красных» и «контру». Только произошло это позднее, уже в 1918 году. А главным эпицентром стал женский монастырь, существовавший в селе аж с 1858 года и

насчитывающий в своих кельях к этому времени около полутора сотен «настоящих» монахинь и молодых послушниц.

Надо сказать, что легенды легендами, но история Монастыря описана еще в 1903 году в газетах «Нижегородских епархиальных ведомостей». А именно: По лесной дороге, ведущей из Мурома в Саров, одним из летних жарких дней шли два инока.

Оба были молоды, но уже достигли совершенства в духовной жизни. Это были Саровский инок Серафим и Муромский —

Антоний. Дошли они до местечка Княжева Сечь и сели на пни отдохнуть. Отец Серафим сказал отцу Антонию:

– На этом месте, отче, будет женский монастырь, и его оснует девица. Здесь будет храм во имя Матери Божией **«Утоли мои печали»**.

Сказав это, отец Серафим встал и топориком, который он носил при себе, срубил два дубка, заострил один из них и, обращаясь к путнику, сказал:

– А ты, отче, этот крест утверди, и на этом месте будет соборный храм.

Так и сбылось на самом деле. Но доживший до сегодняшних дней, восстановленный Монастырь и его стены видели немало бед и несчастий. Помнят они и плач колокола, который раздался на многие версты вокруг, когда сбрасывали его с колокольни. Как долго не поддававшиеся взрывам, кирпичные стены церкви

остались стоять рваными колосьями на земле, и кровавую расправу над односельчанами, вмиг ставшими врагами друг другу.

Жители села жили по-разному. После Земельной реформы крестьяне получив надел земли, сеяли рожь, овес, просо, гречиху. На огородах выращивали картофель, свеклу, морковь и лук. Не каждый имел лошадь или корову, но козы были почти в каждом доме, а значит молоко, картошка, капуста и лук всегда были на столе.

Лук, надо сказать, там отменный, синий и сладкий, который сейчас продают на рынках в Москве. Детей в домах было

помногу. Родители, имеющие двоих – троих ребятишек считались малосемейными.

Так не худо – не бедно жила семья Ворониных. У отца с матерью было три сына, двое – Василий и Алексей, воевали на фронте в рядах царской армии, а третий Семен 12 – летний малец учился в сельской школе.

Как и везде в России, уже в первые месяцы революционных событий в Петрограде, в селе был создан сельский комитет,

председателем которого избрали самого зажиточного

лесозаготовителя Андрея Ивановича Корнева, а секретарем – тоже не бедного – Кузьму Ивановича Сормово. Какую они вели

политику, уразумели не сразу. А началось все с общего собрания, которое назначили в школе, для проведения политинформации.

Алексей Воронин, пришедший с фронта на побывку, одним из первых явился на собрание. Хотелось увидеть односельчан, узнать новости, да и о себе рассказать.

Зашел он в сельскую школу и глазам не поверил. На стенах висят портреты царя Николая II и его царской семьи, а под

портретами стоит стол, за которым сидят члены сельского комитета:

Алексей с удивлением спросил:

– Разве Вы не слышали, что уже три месяца, как царя скинули? Мы на фронте с офицеров погоны сорвали. А у Вас императорский иконостас? Как это понимать?

Корнев, Сормов и другие члены Комитета, будто и не слышали этих слов, только переглядывались между собой.

Алексей в ярости сорвал портреты, скомкал их и выкинул за дверь. Никто не шелохнулся. Пришли односельчане, и тут Корнев, открывая собрание, обрушился на Алексея:

– Простите Христа Ради, сидим здесь с голыми стенами, как в бане, пришел тут анархист Алешка и посрывал портреты, ни стыда, ни совести не стало.

– Да царя то больше нет! Вы против советской власти, что ли?

– упорствовал Алексей.

– Да ты сам недавно носил царский мундир! – Под дружное молчание сельчан продолжал Корнев.

На том и закончили, не смогли еще определиться жители села в какую сторону метнуться.

Тогда же на исходе зимы вернулись с фронта в соседнее село сыновья многодетного бедняка – братья Спирины, Иван и

Митрофан. Смелые, задорные и боевые, они очень скоро разозли своими поступками местное начальство. Так, что Корнев и его соратники только и ждали случая расправиться с неугодными

«смутьянами», да так, чтоб другим неповадно было.

И случай подвернулся. Решили братья поучить уму – разуму монашек, для чего заглянули в монастырь и начали свою

пропаганду. Мол, пора выбросить этот дурман из головы, расходится по домам, и заняться настоящим делом, какое

прикажет революция. Перепуганные монашки кинулись в келью Матушки Игуменьи, которая в то время отсутствовала.

А братья, тем временем, зашли в трапезную, где стоял накрытый стол со скудным ужином. В мисках плавала жижа, сваренная из гнилой картошки с репой, да лежал рядом ломоть темного хлеба, выпеченного пополам с лебедой.

В углу стоял самовар с напитком заваренном на целебных травах, любовно собранных и высушенных летом. Использовали их вместо чая, который и у зажиточных мужиков не всегда был. А рядом стояли, мед да банка варенья из клюквы со свеклой, вместо сахара.

Братья собрали хлеб, мед, банку варенья сунули Семену и разошлись по домам. Игуменья, встретившись с ними у ворот, увидела только их спины. Монашки рассказали ей о бесчинстве братьев, устроенные в монастыре. Она запрягла кобылу в телегу и поехала искать защиту у Корнева, о чем и рассказала ему во всех подробностях.

Надо сказать, что тогда на исходе четырехлетней войны, многие действительно жили впроголодь, пекли ржаной хлеб

пополам с лебедой, доедали мерзлую картошку, варили пустую похлебку с луком, а у некоторых и того не было.

Корнев тут же оповестил односельчан о случившемся.

– Богоотступники, срамники, позор, наказать, судить – только и слышалось со всех сторон.

Уже через полчаса к дому Спириных шла толпа разъяренных родственников и прихлебателей Корнева. Ивана подняли с

постели, а Митрофана взяли из бани, где он спрятался.

Избитых, всех в крови братьев, привезли к сельской школе.

Возле школы, недалеко от монастырских стен, в окружении вооруженных винтовками, ружьями и топорами людей, стояла лошадь, запряженная телегой, а в ней привалившись, друг к другу, сидели окровавленные, в смутном сознании, насмерть напуганные, братья Спирины.

Толпа гудела, Корнев подошел к телеге и прикладом ударив по головам братьев, вывел их из полубессознательного состояния, спросил:

– А Кто третий с Вами был?

– Да Семка Воронин – еле выдавили братья.

Корнев ударом штыка винтовки проткнул Ивану обе щеки.

– Подите, сыщите Семку Воронина – приказал он. Всех сразу и прикончим, чтоб другим неповадно было.

– Да он же малец – попытался осадить кто-то, но на него сразу зашумели.

Прибежавший Василий Воронин, успевший предупредить Семена, чтобы тот убежал из села, стал кричать:

– Как это прикончим, Вы не имеете права убивать взрослых и детей без суда и следствия.

– А-а-а, и ты с ними заодно, давай вместо брата тебя

порешим! Вся порода Ваша антихристы! – не унимался Корнев, помня случай происшедший в школе.

Толпа шумела и окружила их, кто ругал власть, кто своих же земляков, но каждый доведенный до отчаяния, уже не разбирал, кто виноват, а кто нет, и готов был наброситься на Василия,

получив команду от хозяина.

Подоспевший брат Василия, Алексей навел винтовку на Корнева.

– Только попробуй – застрелю. Я с немцем дрался, а ты мне не Указ и не для того я здесь, чтоб от руки твоей поганой

погибнуть.

Василий встал за спиной Алексея, и братья еле вырвались из толпы.

Весь день шел самосуд над братьями Спиридоновыми. Чем их только не били и как не издевались. Только к вечеру толпа, устав от изуверства, стала расходиться. А Корнев со своими

помощниками, скинули на землю из телеги полуживых братьев и стали в упор перекрестным огнем их добивать.

Глава 2. Ураган, кому – беда, кому – подарок.

А Семка бежал и бежал, подальше от села. Мать впопыхах сунула ему пару картофелин да луковицу, которые болтались за пазухой. Вместо того чтобы бежать к реке, перебраться на тот берег к тетке, которая должна его спрятать, Семен повернул к

озеру. Он хотел передохнуть. Прошлым летом они рыбачили там с братьями, вот он и приметил большущий дуб, который стоял на берегу обрыва прямо над озером. Но самое

главное, там было большое дупло, которое видно было только со стороны озера. Оно еще тогда заинтересовало Семена, но как в него забраться он не знал.

Вечера в апреле были еще прохладными, а ночью бывали порой заморозки. Но от пережитого страха и быстрого бега,

Семке было жарко. Так он и не заметил, как добрался до озера.

– Ну, где же этот дуб? – непонятно зачем, он хотел найти старый дуб, залезть в дупло и спрятаться там ото всех. Ему казалось, что завтра, он проснется и весь этот ужас уйдет, он хотел просто переждать здесь, недалеко от села. А завтра, а

завтра все будет уже по-другому, думал он.

В голове все перемешалось и мысли бежали одна за другой – ну, зачем увязался за Спириными, зачем смотрел, как обижали монашек, а клюквенное варенье, взятое из сторожки, надоело дома. Прошлой осенью клюквы было так много, что они ведрами носили ее из леса и заготовили на зиму сполна. Ему хотелось вернуться домой, к братьям, залезть на печку и слушать их

рассказы о войне, о том, как они бились с немцами, как приехали

в отпуск в Москву, как ели там калачи. Ему представлялось все это так ярко, как будто он сам там побывал.

– Ну, вот же он – обрадовался Семка.

Красавец, столетний дуб, стоял над самым обрывом, Семка подошел к краю обрыва и увидел, как его большие длинные корни обнажила красная глина, осыпаясь к подножию озера.

Ему даже пришла мысль, что хватаясь за эти корни можно спуститься к озеру. Но сейчас, ему нужно было укрыться в дупле и устроиться там на ночлег.

Уже темнело и вряд ли он, по совету матери, успеет до ночи добраться до реки, а там и до тетки. Он насобирали сухой

прошлогодней полыни, связал ее в охапку и влез на дерево. Теперь надо было спуститься со стороны оврага по веткам в дупло, что было довольно трудно. Сначала он закинул в дупло траву. Потом ему пришлось слезть, чтобы найти большой шест от старого дерева, нашедши его, он забрался опять на дерево.

Могучие ветви огромного дуба раскинулись так широко, что на них можно было улечься спать. Закинув березовый шест в дупло, он с силой стал утрамбовывать полынь, проверяя тем самым, насколько там глубоко, но шест, ушедший наполовину вниз, наткнулся на твердую основу и дальше не опускался.

Теперь надо было подумать, как выбираться из дупла. Он вспомнил о лодке, в которой они рыбачили осенью, а там должна быть веревка, которую можно привязать к веткам и опустить в дупло.

Ему пришлось снова слезть с дерева и побежать на берег. Он вытащил из укрытия лодку, нашел там веревку, затащил лодку обратно и побежал к дубу. Быстро темнело. Привязав веревку к толстым сучьям дуба, опустив один ее конец в дупло, он ловко спустился по ней в дупло и провалился вниз. Там было довольно просторно, сухо и пахло старым деревом. Он накрылся старым башлыком и быстро заснул.

Алексей с Василием вернулись домой. Мать встретила их громким плачем:

– Да по што это? Чай, живыми с войны пришли, а здесь смерть свою хотите встретить? Куды же это Бог смотрит, как же допустил такое убийство? А как же с Семкой – то. Успел ли добежать до Нюрки, аль нет? Надо отметить нижегородский

говор, теперешнее поколение почти не окает, в отличие от старшего, не употребляют в разговоре тех слов, которыми богата

речь старожиллов. Отец Никифор, служивший старостой в сельской церкви, только рукой махнул:

– Шас, Бог не заступник, вона и на церкви опала пошла, скоро бают, все церкви закроют, кабы и нас, грешных, не

прихватило, да в разные стороны не раскидало.

Мать заголосила сильнее:

– Это кто-ж дасть церкви тронуть.

– Да шас, в каждой деревне свои порядки, дай волю с ноготок, а возьмут по весь локоток, – крестясь, ответил отец.

Василий посмотрел на Алексея и сказал:

– Ну вот что, надо думать, как дальше жить, здесь добра не будет, давай Леха, во Владимир подадимся, а там и в Москву можно. Надо и Семку определять, нечего тут ему делать, нечего тут и ждать, а там вроде коммуны хотят организовать для ребят, учить их будут, а как власть повернет неизвестно, вона еще с белыми воюють. А ты Тятя, в церковь пока не ходь, от старосты откажись. На церкви накинута, там и за тобой придут, так что затаись.

– Ой горе, горюшко нам – а как это Бога забыть, это грех какой – голосила мать,

– Да куды из дома ехать? Алешку Наталья три года ждала с войны, ни с кем не гуляла, сколько охотников к ней набивались,

а они с детства женихались, вона как обрадовалась на празднике, когда его увидала.

– Какая Натаха, мать? То детство закончилось давно, и кто ее отдаст за нас, они как были «графские», так и остались. И

тятя у нее стал первый прихвостень у Корня, вона как себя проявил.

Алексей тяжело молчал.

– Чего молчишь, братка? Аль не согласен?

– Мы родились здесь, Васятка, здесь на погосте и упокоиться должны, благо земля наша не чужая нам, чего по свету шастать, думаешь там лучше найдешь? Никуды я не пойду отсель. А графские и гудовские примириться должны, хватить уже воевать. Господь даст – будет и у нас праздник.

– Где ж твой праздник, когда за Корнеем все «графские» стали, потому и расправились со Спириными, а назавтра может и

до нас дойдут, видел, как они на тебя свои зенки выпятили. Что изменилось то? кто раньше верховодил, тот и сейчас наверху сидит, на кого батрачили, на тех же и батрачить будут.

Не унимался Василий. И обращаясь к отцу спросил:

– Тятя, ты в лес завтра не поедешь, лошадь нужна тее?

– А тебе по што Вась?

– Да в район поеду в Совдеп, там бают, Михайло заправляет.

Братка, ты со мной?

– Это какой же Михайло? – спросил отец.

– Да Мишка, Якова Царева, сын. Он же в прошлом годе Настасью в жены взял, сеструху Спириных. Авось за нас и заступится после того.

На том и порешили. Надо сказать, что ночью над округой

прошел такой ураган, какой и не видывали никогда старожилы. То ли рассердилось небо от такого зверства, устроенного людьми, то ли Бог прогневался, но валил с ног ветер Вековые деревья, срывал крыши с дворов. Страшный переполох и в селе, и в монастыре вызвала эта буря с ливнем и надолго запомнилась.

Глядя на истерзанную этой стихией плотину пруда и

поваленную монастырскую стену, взрослые испуганно крестились и с ужасом ожидали новых проявлений гнева Господнего на людей за великие их грехи. Некоторые упрямо думали и спрашивали:

– А может и впрямь был тот внезапно налетевший, невиданный ураган последним предвестником других

неисчислимых потрясений, которые разразятся в России всего лишь через полтора года после него. А отголоски будут продолжаться еще несколько десятилетий.

Семка проснулся от страшного гула и грохота. Ему казалось, что дуб сильно кто – то раскачивает изнутри. А маленький кусочек неба, видимый над головой, вспыхивает ярким огнем и становится светло, как днем. От страха он весь задрожал.

Уцепившись за толстые стенки дуба, он молился Богу за все свои грехи, которые были и не были в его детской душе. Ему казалось, что ужасный ливень никогда не кончится, а всполохи молний

непрерывно ударят в дуб и разрушат его.

И как будто услышав его мысли, страшный треск раздался прямо над головой, а кто-то очень большой и сильный, словно

ножом отрезал часть дерева от основного ствола, так что одной стены дупла не стало.

Семка закричал, но в этот момент его ноги провалились вниз, а ураган, сделав свое страшное дело, стал утихать. Теперь его убежище стало еще просторнее и уходило куда-то в сторону.

Немного успокоившись, он увидел небольшую пещеру, одна стена у которой только что обсыпалась.

Осмотревшись, он заметил, как в обвалившейся стене, в глубине песка и глины что-то торчит. Он руками стал

отбрасывать еще мягкую землю, и поднатужившись, выдернул из земли необычный предмет.

Это был тяжелый турецкий кинжал с загнутым клинком.

Клинок был украшен золотой или серебряной насечкой с рисунками и надписями. Рукоятка украшена камнями —

кораллами и мелкой бирюзой, расположенными в определенном порядке, образуя геометрический орнамент. Ножны

представляли собой металлический футляр с вложенными в него двумя деревянными дощечками, которые были также украшены

камнями и заканчивались небольшим металлическим шариком. Семен никогда не видел ничего подобного и не знал что это за оружие, но задыхаясь от привалившего счастья понял, что это большое богатство. Он тотчас вспомнил легенду о пугачевских разбойниках:

– Может это часть того клада, или награбленное богатство Суюля?

Фантазии тотчас нарисовали ему, сколько денег можно

отхватить за это оружие, и как они заживут богато и счастливо с мамкой, тятьей и братьями. Захлебываясь от неопишуемого восторга, он даже забыл, что почти два дня ничего не ел.

Картошку, которую дала ему мать, он съел еще вчера вечером, когда сбежал из дома. Но сейчас голодный желудок давал знать о себе нестерпимыми болями. Он огляделся вокруг, в надежде

найти какой-нибудь корешок или старый желудь, чтобы засунуть его в рот. И вдруг, увидел под ногами небольшой бархатный мешочек, похожий на кисет, скорее это и был кисет, внутри осталась мелкая пыль то ли от табака, то ли еще чего-то, но рука вдруг нащупала внутри что-то острое. Вытащив из мешка руку, он увидел брошку, небольшую, но очень красивую, каждый

листок которой, был украшен зелеными камешками. От неожиданности, он даже сел.

В его голове роем пронеслись мысли, одна за другой, никак

не давая сосредоточиться, как ему теперь быть. Он очистил кисет от земли и стал думать:

– Как же теперь попасть домой, чтобы показать все братьям, незаметно пронести кинжал, чтобы, не дай бог, кто увидел, – думал он.

Поразмыслив, он решил, что закопает кинжал, а брошь заберет с собой для матери, а потом, дождавшись темноты, огородами проберется домой.

Не знал он тогда, что мать никогда бы не посмела не то что надеть, а показать кому – то эту вещь, а его находка вместо счастья принесет много бед и несчастий многим людям на протяжении долгих десятилетий.

Ураган, пронесшийся над селом, принес много разрушений.

Но больше всего пострадала дорога, соединяющая село с районом. Вся она была завалена деревьями, вырванными из

земли с корнем, большие толстые сучья и ветки, раскорячились в хаотическом порядке на дороге. Не то, что проехать на телеге,

пройти не везде можно было. Деревья стояли, как большие спички, искромсанные и жалкие, грустно глядя на людей, как будто бы стыдясь своей наготы.

В районе было принято решение расчистить дорогу, а начать с двух сторон, идя навстречу друг другу. Все свободные мужики вышли на расчистку дороги от завалов.

Алексей и Василий были в их числе. Хотя мысль быстрее добраться до района не оставляла Василия. Тем более что в селе росло число недовольных зверской расправой над братьями

Спириными. Женщины жалостливо отнеслись к родителям братьев, и кто как мог, выражал им свое сочувствие, разделяя их горе. Все 12 километров пути до райцентра расчистили за неделю.

Глава 3. В каждой деревне свои порядки.

Андрей Иванович Корнев, богатый лесопромышленник, известен не только в селе, но и в области. Потомственный столбовой дворянин. А как же? Приезжают к нему с документами, на выделенный строевой лес, а где его рубить,

знает только он, Корнев. Поедет на делянку, укажет помощникам, где и сколько рубить, и довольный уезжает, знает, что машины с груженым лесом не пройдут мимо его дома, не отблагодарив его.

Следует отметить, что изобилие прекрасного строевого и другого леса, накладывало отпечаток на быт и внешний облик села, а изначальное умение жителей собственными руками делать все необходимое для жизни определяло род занятий земляков.

Так, что уже в середине ХУШ века у всех были не топящиеся по – чёрному избушки на курьих ножках, а настоящие деревянные дома.

Вот и знатный дом Андрея Ивановича Корнева, высокий сруб пятистенка из самых лучших, толстых, сухих бревен. Окошки украшены резными наличниками. Местный умелец, резчик по дереву, сделал красивую дубовую мебель в доме.

Было у него 2 сына и дочь, Егор, Федор и Марфа. Марфа была самой богатой невестой на селе и слыла красавицей. Дружила она с дочкой не менее зажиточного крестьянина Кузьмы Сормова —

Натальей, которая не уступала ни в чем Марфе, а где-то и превосходила ее. Наталья была девушкой достаточно образованной, что было редкостью для села.

Она дружила с Матушкой Игуменьей монастыря, образованной монахиней, получившей хорошее образование в Петербурге. Матушка давала ей книжки из своей библиотеки, а при okazji привозила из города новые. Так что все парни на селе грезили об одной и другой, но понимали, не каждого примут в

зятья их отцы. А те прочили видеть сватов далеко не из села, а породниться со знатным родом из ближнего города. Только где же теперь эта знать?

Советская власть все поменяла, кому раньше был почет и уважение, с кем поздороваться за руку было за счастье, теперь боится и сам руку протянуть, того гляди отхватят вместе с рукой и упекут в тартары.

Дождавшись темноты, Семка пробрался в село. Выйдя из леса, пригнувшись и перебежав поле с озимыми, он решил сократить

путь и пробраться огородом Корневых к своему проулку, а там он и дома.

Забежав за угол конюшни, он вдруг услышал голоса.

Испугавшись, он притаился у стены. В это время пес громким лаем известил хозяина, что у него во дворе чужие. Семка замер от страха и вместо того, чтобы бежать, присел за кустом терновника. Корнев с керосиновой лампой вышел из сарая, за ним вышел Кузьма Сормов, который поспешил домой.

Корнев осмотревшись, хотел было уже уйти, но в это время Семка, как назло, то ли от страха, то ли от сырости, громко чихнул. Корнев в два прыжка очутился около Семки, схватил его за шиворот и стал трясти.

– Ты че тут делаешь, гаденьш, что слышал, говори, не то сейчас тут и порешу.

– Я ничего не слышал, я домой иду, – еле выговаривал Семка.

Корнев продолжал его трясти и из-за ворота его старенького пиджачка выглянул уголок бархатного кисета, который тут же оказался в руках у Корнева.

– Не тронь, это мамке моей подарок, отдай, – бесновался Семка.

Корнев сжал Семку в охапку, вытащил брошь из кисета и с удивлением посмотрел на Семку.

– Где украл сукин сын? – потом как бы одумавшись, что украсть такое не у кого, более спокойно спросил,

– Где нашел? Укажешь, мамке твоей я лучше подарю. – Семка молчал.

– Где нашел, спрашиваю, паршивец, на озере? – Семка упорно молчал.

– Ну, вот что, ты подумай до завтра, посидишь тут пока в сарае, а я тоже подумаю, как с тобой быть или в тюрьму за кражу вместе с братками или они о тебе вообще не узнают.

С этими словами, он связал Семку, перетащил его в сарай, привязал к столбу стойла лошади и ушел в дом.

Придя домой, он стал разглядывать найденную Семкой брошь.

Очистив ее от грязи, он увидел, как засверкали алмазы и изумруды.

Он сразу понял, что эта безделушка стоит огромных денег.

Теперь ему надо было решить, что делать с Семкой. Он понимал, что Семка вряд ли покажет то место, где нашел эту штуку, и есть ли там что еще, да и как это сделать, чтобы никто об этом не узнал.

Еще он не хотел, чтобы об этой вещице узнали Семкины родственники, а значит, надо решить, как быть, придумать, и как можно быстрее, до утра. Несмотря на это, Андрей Иванович лег на кровать и моментально уснул.

Первый лучик солнца, проникший в щель конюшни, разбудил Семку от тяжелого сна. Первым делом, он попытался освободить руки. Веревка, которой они были связаны, так впи- валась в кожу, что руки совсем онемели и даже опухли.

Кроме того, он был привязан к стойлу, так, что не имел возможности даже ползти. Лошадь, стоявшая в стойле,

наклонила голову к Семке и лизнула его, как будто, сказав, что не может ничем помочь. Семка от безысходности своего положения горько заплакал, решив вдруг, что он уже не увидит ни отца с матерью, ни братьев.

Накануне вечером Марфа, встретившись с Натальей, весь вечер обсуждали события, которые разом нагрянули на село. Они сокрушались об участи, постигшей братьев Спириных. Но потом молодость взяла свое.

Они стали рассказывать всякие истории, прочитанные в книжках, и Марфа все подкалывала Наташу по поводу интереса подруги к Алексею Воронину. Сама она в тайне была влюблена в Алексея, но никогда, никому, даже Наталье не давала повода догадаться об этом. Ночами плакала и думала о своей непростой доле.

– Ташка, спрашивала она, – ты вот Лешку любишь, а может у него на фронте краля какая или медичка появилась?

– Марфуш, ты уж меня не позорь, мне он просто нравится, высокий, сажень в плечах, волосы русые, глаза голубые, ну как такой может не понравиться, а про настоящую любовь только в книжках пишут.

– Да и тятя меня за него не отдаст. Уж я то знаю. Поэтому скажу тебе по секрету, я договорилась с Матушкой Игуменьей, что поеду с ней в Москву к ее родственнице, а там я поступлю на женские курсы. Время сейчас другое, новое и я хочу по-новому жить.

– А как же отец то тебя отпустит?

– А я скажу, что поеду просто в гости, Москву посмотреть.

– Сейчас больно опасно по гостям то ездить, ты и впрямь задумала нехорошо. И что за курсы такие, на что они тебе?

– Учиться хочу, хочу многое узнать, книжки умные читать, деток хочу учить, а замуж не хочу, все равно никого не полюблю.

– Да ну тебя Таша, разве так можно? да и как там будет в городе-то, все чужие, страшно.

– Ой подруга, моя дорогая, что – то нас ждет впереди? а давай завтра пораньше в лесной скит к монашкам съездим, Тятя обещал лошадь запрячь, чтобы дров им малость отвезти.

– Хорошо, ты меня за околицей жди, я выйду рано, до того, как коров на выпас поведут, так чтобы никто не видел.

Так и договорились. Наутро Марфа тихонько оделась, взяла хлеба краюшку, пустую крынку, чтобы напоить в нее молока, и позавтракать с Наташей по дороге, и направилась к сараю, где стояла их корова Зорька.

Семка ни на что уже не рассчитывающий, тихо сидел и ждал своей участи, как вдруг услышал шаги. Он подумал, что идут за ним, как вдруг дверь открылась и на пороге показалась Марфа.

Семка вскрикнул, а Марфа от неожиданности так испугалась, что уронила крынку на землю.

– Ты что здесь делаешь? Кто это тебя запер?

Семка рассказал ей почти все, утаив лишь историю про кинжал и брошь.

Марфа знала лютей нрав отца, но знала и то, что отец отходчив, а ее одну любит без памяти. Нередко она, пользуясь этим, пыталась защитить от его яростного, несправедливого

гнева мать и братьев. Она никогда не спорила с ним. Просто, когда он особенно разошелся, она еще, будучи маленькой,

выходила и молча смотрела на него своими прекрасными карими глазами, которые он в эти минуты ненавидел. Но это как-то останавливало его и он дико орал:

– Уйди, не вводи во грех, Мать, уведи ее, не то обоих убью.

Мать судорожно хватала ее, пытаясь заслонить собой, но после этого, он как – то стихал, словно встречая какую-то преграду, останавливался, выпивал бутылку самогона и шел париться в баню.

Марфа быстро развязала Семку, не зная, что с ним делать дальше. Идти домой, опасаясь гнева отца, посчитали

неразумным, и она взяла его с собой, чтобы выждать время. Они подошли к Наталье, которая уже ждала за околицей, чтобы с ней решить, как дальше им быть.

Наталья, не менее Марфы, удивленная появлением Семена, обрадовалась ему. Он снова начал рассказывать, опуская

подробности, своей истории о том, что бежал на озеро, ночевал там и хотел вернуться домой, но его перехватил Андрей Иванович. Еще он хотел обязательно повидать братьев и чем скорее, тем лучше.

Марфа не понимала, чем же Семен так насолил ее отцу, что тот не унимался от желания его наказать. Тем более что больше половины односельчан не одобряли действия ее отца, и даже в случае его раскаяния никогда уже не простили бы его.

Напряженность между жителями села все больше накалялась, некоторые уже открыто высказывались о привлечении Корнева и его приближенных к ответственности и только и ждали случая это сделать.

Девушки посадили Семку на телегу, прикрыв от посторонних глаз и поехали в сторону лесного скита. Они решили на время отвезти его к монашкам и сторожу Никифору, а потом, если

необходимо, перевезти его в район, к двоюродной сестре

Спириных – Настасье, муж которой Михаил служил в это время в Волостном Совете и доводился ее братьям шурином. Они

надеялись, что те укроют Семку. Да и родителей надо предупредить, что Семка жив.

Монашки встретили подружек радостно. Они часто

привозили им муку, картошку и дрова для топки дома. Деревьев, годных на дрова, полно в лесу, но ни им, ни Никифору в силу

немоги и старого возраста, было не под силу напилить их. Поэтому для печи, они собирали хворост, гнилые палки, которые

дымили и не давали того жару, какой был необходим. Вот и привозили девушки им уже колотые сухие березовые дрова.

Они оставили у них Семку и отправились назад в село, ведь Марфе придется объясняться с отцом, если он вдруг узнает, что это она отпустила Семена. Наталья никак не могла увидеть Алексея, так как он вместе с другими уезжал ранним утром на дорожные работы.

Андрей Иванович тоже хотел увидеть Семку или его братьев, и хоть что – то узнать о нем. В тот день, рано утром, придя в

конюшню, он с удивлением обнаружил, что Семки там нет.

– Во змееныш! – думал он, как же он выскользнул.

Придя домой, он узнал, что Марфа уехала с Натальей в скит, сыновья ушли на работу в лес, а она, выгоняя корову на выпас, никого там не видела.

– Ты что отец? А какого лешего я там увижу, в нашем сарае- то? недоумевала она.

С вечера, он так разволновался, что долго ворочался и не спал и лишь под утро вздремнул, вот и встал позже всех. Ругая всех, и прежде всего себя, он было, побежал к дому Ворониных, узнать, не появился ли там Семка и что ему ждать от его братьев.

Он хотел припугнуть Ворониных, что эту брошь положено сдать государству, если не получится с ними договориться. Так, не придумав ничего хорошего, и не узнав ничего о Семке, он терялся в догадках и не знал как себя вести.

Воронины вели себя тихо, ничем себя не проявляли, будто ничего не случилось, что еще больше настораживало Корнева. Он завернул кисет с брошью в старую ветошь и положил в тайник за иконы и стал выжидать, как все повернется, удивляясь, куда же подевался Семка.

Сормов Кузьма Иванович жил с женой и дочерью Натальей в небольшом, но крепком доме, построенном еще его отцом.

Жили дружно, родители его умерли один за другим, оставив крепкое хозяйство и брата, который женился на дочери священника из Нижнего Новгорода, дальнего родственника его отца.

Кроме Натальи, других детей в семье не было, о чем они очень тужили. Они нанимали работников, когда надо было помочь по хозяйству, относились к ним ровно, исправно им платили,

поэтому нужды в них никогда не испытывали.

Так и выросла Наталья, не зная брани и ссор, каких в доме никогда не случалось. Кузьма Иванович был мужиком основательным и, несмотря на тихий нрав, был себе на уме.

Случая упустить выгоду или пользу в любой сделке или работе себе не позволял. Так тихо и неприметно наживал свое добро. В селе все знали его, как мужика основательного и твердого, но крайне неуступчивого и иначе, как «темной лошадкой» не называли.

Наталья укрепилась в своем желании уехать в Москву. Ей хотелось новой жизни, ей было тесно и душно в этом мирке, она как подросток, который вырос из старых платьев, хотела чего-то нового и интересного, и новое время, казалось ей, открывает новые возможности в жизни женщины.

Получить профессию врача женщине в то время было крайне сложно. До революции учителями и врачами были исключительно мужчины, а женщины должны были сидеть дома и растить детей.

Лишь с 1911 года их стали допускать в университеты в качестве вольнослушательниц, а с началом Первой мировой войны им разрешили получать высшее медицинское образование, но и то отдельно от мужчин.

Однако после 1917 года, когда треть мужиков была на фронте, и в связи с Указами новой власти, уравнивающими положение женщины с мужчинами, стали создаваться новые направления обучения, способствующие активному вовлечению их в жизнь.

Наталья всячески пыталась уговорить родителей отпустить ее в Москву с Матушкой Игуменьей, чтобы осмотреться там,

погостить и потом вернуться домой. О поступлении на Высшие медицинские курсы, куда она стремилась, не было и речи. Отец упорствовал и откладывал свое решение до осени. Наталья смирилась и согласилась отсрочить поездку до сенокоса.

Ей никак не удавалось встретить Алексея или Василия, чтобы рассказать им о Семке. Поэтому она в один из дней,

договорившись с Марфой, решила перевезти Семку в район. Забрав ранним утром Семку у монашек, накрыв его соломой, они поехали в Волостной центр.

Апрельское солнце ярко светило. Лес пробуждался от зимы.

Почки набухли на деревьях, готовые выпустить свои новые листья. Птицы весело чирикали на дороге, и волнующий

неповторимый запах весенней земли щекотал ноздри. Семка

немного успокоившись от всего пережитого, целиком

положившись на девушек, ехал по дороге к новой жизни.

Он еще не знал, что вернется в село лишь через 20 лет, на

похороны отца, а на пороге его встретит еще более суровый 1938 год.

Анастасия обрадовалась, увидев на пороге подружек. Она была всего на два года старше их, но все детство они провели вместе. Ходили в одну школу, купались летом в пруду, ходили в лес по ягоды, собирали грибы. Анастасия была хорошенькая,

полненькая, веселая хохотушка двадцати лет от роду. Всего год назад она вышла замуж за Михаила Царева, парня из соседней деревни и сейчас они ждали первенца.

Муж Анастасии, Михаил Царев на 5 лет старше ее, мастер на все руки, сейчас работал в Волостном Совете, и в это время

готовился к переводу в Губернскую Чрезвычайную Комиссию. Добрый и крепкий мужик, Михаил стал надежным мужем для Насти. Печальная весть о двоюродных братьях еще не дошла до их дома. Подруги обнялись, а потом начали рассказывать о последних событиях в селе.

Марфа понимала, что ее отец был главным виновником

несчастья и ей было ужасно стыдно перед подругами. Но в селе нельзя ни от кого спрятаться, нельзя утаиться от чужих глаз, где все на виду и все друг друга знают. Так и Анастасия, зная безропотное положение женщины в семье, не стала винить ни Марфу, ни Наталью.

Они дружили с детства, секретничали, делились своими

тайнами, а воспитаны были по Закону Божьему, где сказано, что Дети не перечат родителям, так как это большой грех. Настя

приняла активное участие в жизни Семки. Она заявила, что Семен останется жить у них сколько надо, Михаил противиться не будет, и кусок хлеба для него найдут, «не объест он нас» твердила она.

Подруги поплакали, обнялись и распрощались, оставив Семена в надежном месте.

Василий, наконец, вырвался к Михаилу Цареву. Они были

погодками, вместе ходили в школу, рыбачили, а потом ушли на фронт. Михаил раньше Василия вернулся домой с фронта из – за ранения и сразу же вступил в должность заведующего земляным отделом Волостного Совета, а в настоящее время ждал перевода в ЧК. Василий подробно рассказал Михаилу о происшествии в селе и просил его посодействовать к привлечению к ответственности

виновных в преступлении односельчан, особенно упирая на Корнева.

– Разберемся, накажем, дай срок только перейду в ЧК, не сомневайся, – твердил Михаил.

– Как заступлю в должность, и тебе место найдем, да и Алексею тоже, сейчас люди ой как нужны.

Поговорили о домашних и выяснилось, Василий не знает, что Семка находится у них, а не у тетки, куда его отправили.

Удивившись, он тотчас захотел увидеть его.

Застав Семку дома у Царевых, Василий сначала накинулся на него:

– Почему ты здесь? Как ты сюда попал?

Семка растерялся от посыпавшихся на него вопросов.

Пока Анастасия накрывала на стол, они вышли на улицу. Там, наедине, Семка рассказал подробную историю своего бегства и даже то, где успел закопать кинжал. От услышанного, у Василия перехватило дыхание.

Он сомневался, как поступить дальше, оставить Семку у Михаила или взять с собой, чтобы отыскать кинжал. Не зная, как повернет дело Корнев, он посчитал, что пока Семке лучше остаться здесь.

Переговорив с Михаилом, объяснив ему, что беспокоится о Семке в связи с его возвращением в село, он попросил Михаила оставить Семку на время у себя. Михаил не возражал, они распрощались, и Алексей поспешил домой.

Глава 4. Монастырский устав по-русски скроен.

А революционные события развивались в селе со стремительной скоростью. С самого начала революции, религия была объявлена «опиумом для народа». Однако перед революцией 1917 года общее положение Русской Православной Церкви и многомиллионного крестьянства России было очень прочным.

Поэтому большевики вынуждены были бороться с ней поэтапно, стараясь постепенно вбивать кол раздора между церковью, верой в бога и народом.

Целых пять лет должно было пройти от внедрения этой идеологии до открытого присвоения новой властью веками

копившегося на средства верующих церковного имущества. Да и то это было сделано в обстановке страшного голода, вызванного гражданской войной и под завесой призывов необходимости помощи голодающим.

Вот так ни с того, ни с сего стал «осиным гнездом» Видовский женский монастырь. А пока монастырь жил своей жизнью.

Настоятельницей монастыря была Матушка Игуменья Иннокентия аж с 1879 года.

Дворянка по происхождению, она выросла в потомственной дворянской семье в Петербурге, обучалась в Смольном институте, знала четыре иностранных языка и многое другое, что положено знать в обществе. Сначала она преподавала в первоклассном

Нижегородском монастыре, воспитывая молодых послушниц.

Прекрасно зная оплоты православия, была очень набожна и самоотверженна. О том, какой монашество сложный и тяжелый труд, который не по силам каждому, можно судить по ежедневному и нерушимому распорядку, установленному в монастыре.

«Каждый день, кроме воскресного начинается богослужение в половине шестого утра и заканчивается в девять. После него

послушание. В двенадцать – трапеза, затем снова – послушание до пяти вечера. С пяти до восьми, а то и девяти – вечернее

богослужение. По окончании – ужин и вечерняя молитва до десяти часов вечера. А в пять утра – снова подъем».

Монастырь никогда не спит. День и ночь, сменяя друг друга, читают сестры перед Неугасимой лампадой Неугасимую

псалтырь. А днем бьют земные поклоны, от которых спина болит так, будто в нее гвоздей понабивали. А кто их посчитает? А кто

измерит, сколько часов и минут во время молитв сестры стоят на ногах? Пища в монастыре в постные дни – винегрет, постные щи, каша, картофельное пюре, грибы, овощи. В праздник возможны рыбные щи, пирог с капустой, компот.

Мясо из меню исключено навсегда, так же, как и развлечения, даже в «гости» ходить друг к другу у сестер не принято. Форма одежды зимой и летом – черная, потому что белая – цвет смерти.

Так и Матушка Игуменья наравне со своими сестрами, исполняла монастырский Устав, каждый день, каждый час, переступая через усталость, раздражение, не гнушаясь никакой работы, а делая даже больше, вела хозяйство, учет, и исполняла много других обязанностей в силу своей грамотности и умения.

Она считала, что дела человека, посвятившего себя Богу – это и есть его жизнь по Заповедям Христа. Многие удивлялись:

«Откуда у нее берутся силы на все, когда она спит, когда отдыхает?»

Двенадцатый час ночи никогда не просыпала, сама вычитывала полунощницу и акафист Божьей Матери, а в четыре часа утра ходила звонить и первой являлась в храм. Сама читала, сама пела и образовывала хор. Неимущим помогала, если

невзначай кого словом обижала, потом плакала и просила

прощения». Бывало, снимала с себя одежду или обувь и отдавала неимущим, увидев их убогое положение.

Уже через десять лет, после закрытия Советской властью монастыря, в 68 лет, пойдет с сумой, почти раздетая, монашествовать. Дойдет до Москвы, где у родственницы ее арестуют, чтобы отправить в Сибирь.

Василий, взбудораженный рассказом Семки, всю дорогу до дома обдумывал план действий.

Встретив Алексея, он тут же рассказал ему обо всем. Договорившись, что с утра они пойдут на озеро искать спрятанный там кинжал, легли спать.

Еле дождавшись утра, почти бегом добрались до озера картина, которая предстала перед ними, оказалась

неутешительной.

Разрушения, которые принес ураган, здесь были такими же, как и везде. Высокий берег озера, представляющий раньше крутой склон, сейчас был похож на двугорбого верблюда.

Деревья целиком, вывернутые с корнем и их обломки валялись повсюду, засыпанные наполовину землей и просто сверху, через которые и перебраться сложно, не то, что раскопать что-то. Не было и дуба, на который ссылался Семка. Не нашли они и лодку, которую они оставляли для рыбалки, ее либо засыпало землей, либо вообще разнесло в щепки.

Огорчившись от увиденного, они вернулись домой. Осталось

только выведать любыми путями, куда Корнев спрятал брошь. Но как это сделать?

Наталья с нетерпением ждала лета, а там и сенокоса, после которого она уедет в Москву. Осенью она должна обязательно поступить на женские курсы.

Покос травы издавна воспринимался на Руси как общее дело. На покос выходили все – и женщины, и старики. К слову сказать, некоторые пожилые люди могли дать фору молодым парням.

Однако, основной ударной силой, конечно, являлись мужики, сильные и выносливые. Косить начинали по первой росе, которая увлажняла траву и облегчала ход косы. Определенное положение рук, взмах косы, ее направление – в этой работе много тонкостей.

От того, как уродилась трава, дождливое лето или нет, зависело, какой продукт получают скотина в хлеву и человек на столе. Обычно во время кошения пели – дружно, весело, тем самым создавая нужный ритм работы. Сенокос прошел и деревне, выдавшись хорошей погодой и уродившейся сочной травой.

Наталья засобиралась в Москву. Марфа с одной стороны, была опечалена, что уедет ее подруга, с которой много лет они

делились самым сокровенным. С другой стороны, она все же надеялась на перспективы, которые открывались у нее в

отношении Алексея. Она верила, что новое время и любовь отца дают ей надежду на благополучный брак с Алексеем. Она не

знала, что Алексей до смерти, влюбленный в Наталью, долго будет тешить себя надеждой жениться на ней.

Наталья, прощаясь с семьей Ворониных, получила их согласие на отъезд Семена в Москву, пообещав, что устроит там его в школу.

Обнявшись с родителями, поплакав, собрав в узелок нехитрую одежду и еду на первое время, она села в монастырскую телегу, на которой приехала за ней Матушка Игуменья. Забрав у Царевых Семена, они сели в поезд и отправились в Москву, навстречу своей новой жизни.

Матушка привезла их к своей дальней родственнице, которая жила в просторной квартире, куда еще не успели

подселить жильцов. Кроме того, она работала машинисткой в канцелярии Совнаркома, где ей полагались определенные льготы. Звали ее Эльза Карловна Леманн.

Она была из семьи бедных обрусевших немцев, ее отец, врач, занимающийся частной практикой, дал дочери хорошее для тех времен образование. Она учила господских детей литературе и музыке, работала гувернанткой.

Была она высокого роста, несколько суховата и совершенно некрасива, но отличалась мягким нравом и

доброжелательностью, что и позволяло ей иметь много друзей и знакомых. Один из которых и пристроил ее на работу в Совнарком.

Эльза Карловна была рада новым постояльцам. К 35 годам она, похоронив родителей, так и не обзавелась семьей. Она с удовольствием приняла Наталью, которую сразу стала называть своей красавицей – сестрой, а Семку вообще посчитала за сына.

Развив бурную деятельность по обустройству своих

подопечных, она устроила Наталью на Высшие медицинские курсы, а Семку записала в школу. Так и началась для них новая жизнь.

Глава 5. Доброе братство лучше богатства.

Михаил Царев вступил в новую должность заместителя начальника Губернской Чрезвычайной Комиссии. Он тут же пригласил на работу в ЧК братьев Ворониных. Первым делом, они решили отомстить Корневу, произвести обыск в его доме, а потом и арестовать.

Отряд ЧК, прибывший в село, сразу же направился к дому Корневых. При обыске в овине была обнаружена спрятанная винтовка, а в амбаре несколько мешков зерна, скрытые от власти, которые в соответствии с Законом изъяли.

Василий и Алексей, принимали участие в обыске, но действовали как-то неловко. С одной стороны, они хотели обнаружить брошку, а с другой, ее тоже надо было бы конфисковать, чего ни один, ни другой совсем не хотел.

Озираясь по сторонам, стараясь угадать, куда мог запрятать Корнев брошь, они не старались проявить особое рвение с обыском. Жена Андрея Ивановича – Матрена Власьевна и дочь – Марфа, растеряно глядели на братьев Ворониных, как – бы прося их побыстрее это закончить. Михаил в это время допрашивал Корневых, записывая ответы в протокол.

Полной неожиданностью для женщин стало, когда Царев объявил об аресте Отца и братьев. Они, как полагалось бабам, заголосили. Мужиков Корневых посадили в телегу и отправили в ЧК. Через некоторое время всех участников самосуда на братьев Спириными арестовали и отправили в тюрьму. Правда отсидели они недолго, после объявленной В. И. Лениным амнистии, все они вышли на свободу.

После ареста Корневых, братья Воронины решили активно действовать. Василию нравилась Марфа, и теперь никто не мог помешать жениться на ней. Женщины, оставшиеся без мужиков, где постоянно нужны сильные мужские руки, запаниковали.

Помощь братьев, и особенно Василия, пришлась, как нельзя кстати.

Приближался Покров, который к тому же был престольным праздником на селе, а на Покров обычно игрались свадьбы.

Довольные, что все так разрешилось, надеясь на скорый исход задуманного, Василий с Алексеем, договорились, что, женившись на Марфе, Василий найдет и разделит богатство поровну.

Но как говорится, мы предполагаем, а бог располагает.

Василий зачастил в дом к Корневым. При всяком удобном случае, в свободное от работы время, он приходил к Матрене Власьевне и к Марфе, чтобы помочь по хозяйству.

Сначала женщины встретили его настороженно и сухо, отказывались от помощи. Но потом Матрена Власьевна,

утвердившись в безысходности своего положения, смирившись, стала привечать Василия. Она быстро поняла, что Василий может стать для нее неплохим зятем и хорошим мужем для ее дочери.

Работящий, добрый, незлобивой, все больше и больше нравился Матрене. А то, что он работал в ЧК, могло служить надежной защитой в это смутное время. Она всячески поощряла заботу Василия о них.

Марфе же нравился Алексей, но он не проявлял к ней никакого внимания.

За месяц до Покрова Василий по направлению ЧК уехал на учебу в Муром. Он попрощался с Марфой и Матреной Власьевной, заручившись их согласием справить свадьбу на Покров.

Алексей продолжал работать и активно участвовать во многих мероприятиях, как в ЧК, так и в первой партийной ячейке села. Не давал покоя и монастырь, который теперь уже официально в документах кроме как «осиным гнездом контрреволюции» и «притоном черного воронья» иначе не называли.

Такое рвение быстро заметили коммунисты в Волости. И на очередном собрании сельсовета Волисполком рекомендовал на должность председателя сельсовета Алексея Воронина. Правда выборы прошли не совсем гладко, ряд граждан позволили себе

«антисоветские высказывания», которые тут же запротоколировали и передали в ГУБ ЧК.

Как-то, прибыв к себе на службу, Алексей случайно узнал об амнистии, по которой должны были выйти Корневы. Алексей

понимал, что с прибытием Андрея Ивановича все может рухнуть.

Василий вряд ли возвратится до Покрова. Возможность обогащения становилось прозрачным и большим вопросом, который надо было немедленно решить. Спонтанное решение пришло сразу, и он недолго думая, как он поступит, оделся

получше и пошел свататься к Корневым. Придя в дом, вызвал Марфу для разговора, поговорив об их житье продолжил:

– Марфуш, я пришел поговорить с тобой о брате, и прошу тебя не обижаться на Василия.

– А почему я должна обижаться на него?

– По-моему он останется в городе надолго, а там может и передумает жениться.

У Марфы сжалось сердце, нет, не от обиды на Василия, ей было все равно станет она его женой или нет, а от обиды на свою девичью судьбу, неужели она так нехороша, что даже Василий отказывается от нее.

А Алексей тем временем, продолжал:

– Когда Василий ухаживал за тобой, я не вмешивался, брат все же, но мне ты давно нравишься, а если согласна, то я бы хотел взять тебя в жены.

Марфа побледнела, она догадывалась, что Алексею нравилась Наталья, раньше он даже не глядел на нее. Но все эти

умозаключения сейчас были в прошлом, Наташа далеко, а сердце застучало, вот оно счастье, о котором столько мечталось, когда не спалось. «Счастье, счастье, счастье», так и стучало в висках. Не раздумывая ни о чем, заглушая свой разум, она согласилась.

Алексей не ожидал такого быстрого ответа, удивился и не задумывался, а как будет дальше, главное сейчас, заполучить Марфу. В отличие от Марфы в его голове были мысли только о богатстве, которое может ускользнуть от него.

Он всё же злился на Василия, который столько времени потратил на Марфу и безрезультатно. Уж он – то не упустит своего, сразу «возьмет быка за рога». Сколько раз потом он будет проклинать себя за свои поступки, но сейчас ничто и никто не мог его остановить.

Матрену Власьевну, услышавшую такое заявление от обоих, охватило смятение. Прожив всю жизнь в селе, с мужем, не видя ни любви, ни ласки, она в силу своей женской мудрости, понимала, что здесь что – то не так. Про Алексея ничего плохого не слыхала, но принять такое решение ее сердце не могло, ну, не по – людские отбивать невесту у брата. Все разрешила Марфа:

– Матушка, я давно люблю Алексея, Василий опередил его, а я не знала, что Алексей тоже меня любит, но он не хотел перечить брату, но сейчас, когда всё прояснилось, решили, что честнее будет, если я стану его женой. Марфа уговаривала то ли мать, то ли себя старалась убедить, что все происшедшее – правда. Она

так была счастлива, что это затмило все, что только могло затмить – ее мозг, глаза, душу.

Матрена ничего не поняла из объяснений дочери и будущего

зятя, но уступила и дала согласие на свадьбу. Они назначили день свадьбы на Покров.

Об одном лишь не могли договориться. Мать настаивала на венчании и не признавала никаких записей в сельсовете. Тем более что бумажка, в которой они были бы

записаны, как муж и жена, никаких обязательств не несла.

Алексей возражал, он не мог позволить себе венчаться, его бы сразу же исключили из партии, сеяли с должности и бог весть чего еще. Матрена Власьевна настаивала и не давала согласия на брак без венчания. Марфа, стараясь удержать призрачное счастье, хотела угодить всем. Она предложила венчаться тайно в монастыре, попросив об этом Матушку Игуменью. На том и

порешили.

Алексей, придя к себе домой, огорошив своим известием родителей, приказал готовиться им к свадьбе.

Никифор Ильич, посмотрев на жену промолвил:

– А как же Васятка, у них же стовор был? Нехорошо как, выходит мы и Сына родного не знаем, а что на уме и подавно.

– Ох, грех какой, Васятка, кабы знал, так и не уехал бы – причитала мать.

– Да хватит Вам причитать, брат приедет, я с ним договорюсь, воевать не буду с ним за бабу.

– Да ты пошто женишься-то? Я уж ума не приложу, как будто тебя на аркане ведут. Ты по своей воле идешь, аль нет? Ты же Наташку любил, назло ей, что ли жениться вздумал.

Угомонись и не гневи Бога.

Отец сидел молча, покачивая головой и только бормотал:

– Ох, дети, Вы дети – куды бы Вас дети, ох негоже. Ох, негоже, да и што с Вас взять – каков век – таков и человек!

Но ничего не поделав, стали потихоньку готовиться к свадьбе. Марфа договорилась с Матушкой, чтобы та пригласила священника для тайного венчания. Несмотря на пост, нарушив все церковные каноны, Матушка Игуменья, вняв просьбам

безбожия, взяв на себя грех, уговорила священника и назначила венчание в ночь на Покров.

Марфа надела для венчания свое лучшее платье. Шить, как раньше свадебное, посчитали нескромным. Матрена Власьевна не знала радоваться или горевать по поводу свадьбы дочери, старалась утешиться, глядя в ее счастливые глаза. Но сердце предчувствовало беду, до которой оставалось совсем немного.

После того, как арестовали мужа и сыновей, Матрена Власьевна стала полноценной хозяйкой в доме. Но запасы,

припасенные ранее кончились, нужны были деньги на ведение хозяйства.

Она знала, что за иконами есть тайник, где муж хранил ценные бумаги и деньги, но никогда не влезала туда, да просто при нем не посмела бы этого сделать. Она решила посмотреть, что там хранил муж и что может пригодиться сейчас.

Икона Богородицы, была одета в красивый киот, задняя дверь которого была намертво пришта к стенам дома. Дверца киота открывалась, а там был потайной гвоздик, при нажатии которого открывался вход в тайник.

Матрена Власьевна перво-наперво увидела какой-то невзрачный сверток, который отложила в сторону, нашла бумаги, векселя и деньги, хотела уже было все убрать назад, как в комнату вбежала Марфа. Она тут же развернула лоскутный кулёк, увидела красивый бархатный кисет, и обрадовавшись, тут же решила подарить Алексею. Но тут из кисета выпала брошка.

Они с матерью стали с удивлением ее рассматривать.

Брошь была хороша, сверкая всеми бриллиантами и изумрудами, каких женщины никогда не видели. Матрена первая очнулась от увиденного. Что-то ей подсказывало, что все надо

положить назад, и не дай бог кому-нибудь про это рассказать. Но Марфа не хотела упустить этот подарок неизвестно как

попавший в дом. Фантазия ей быстро подсказала:

– Маменька, да это батюшкин подарок к свадьбе, я уверена, если бы он был сейчас здесь, он бы подарил мне это на свадьбу.

– Да может и правда подарил, да не такому жениху и не на

такую свадьбу. Был бы отец здесь, не бывать бы этой свадьбы, – ворчала Матрена.

– Алексей бедный, но честный, – возражала Марфа.

– Что за честь – коли нечего есть! – Мать вдруг поняла, что она против этой свадьбы, она ругала себя, что согласилась на

брак дочери и не отговорила ее: «Ой, что же мы наделали, был бы отец, да разве позволил этакое?»

– Марфушенька, доченька, откажи пока не поздно. Все не по-людски, и венчание это тайное во грех, счастья не будет, – умоляла мать.

Но Марфа стояла на своем. Разве могла она отказаться от вдруг настигнувшего ее счастья.

В 3 часа утра после литургии состоялось венчание Марфы и Алексея. Присутствовала Матрена Власьевна, родители Алексея и несколько монашек с Матушкой Игуменьей. Священник наскоро провел обряд венчания, поднес тарелочку с кольцами, предлагая молодым обменяться ими.

У Марфы поверх платья была накинута шубейка, голову украшала красивая кружевная накидка, которая на груди была закреплена брошкой. Алексей взял серебряное кольцо и

повернувшись к Марфе, хотел было уже надеть его на палец, как его взгляд упал на брошь.

От неожиданности, он выронил кольцо, которое со звоном покатилося по каменному полу Храма. Все присутствовавшие нехорошо зашептались и принялись ловить кольцо, которое ускользало от рук, и стукнувшись о стену, остановилось.

Наступила тяжелая тишина. Матушка Игуменья, подняла кольцо, перекрестилась, подала священнику. На этом процедура венчания закончилась. Зазвонили колокола, провожая молодых из Храма. Саму свадьбу было задумано провести днем по сельским обычаям в доме невесты, поэтому каждый отправился по своим домам.

Алексей с Марфой шли молча, каждый думал о своем. Алексей не мог поверить, что богатство, о котором столько мечталось,

неожиданно само пришло в руки, а Марфа была озабочена случившимся в Храме, уж больно плохая примета – это падение кольца.

Придя домой, она, первым делом, подарила Алексею бархатный кисет, который еще раз убедился, что это та самая находка, про которую рассказывал Василий и Семен.

Алексей ликовал, он стал необычайно весел, все время хвалил Марфу, но при этом, убедил ее не надевать брошку на свадьбу, чтобы не вызвать неодобрения людей и вообще спрятать ее

подальше.

– Надо бы ее в городе ювелиру показать, да я, думаю, пока не время, неизвестно как она попала к твоему отцу, а то еще

конфискуют. Давай-ка спрячу ее подальше от глаз.

Марфа не противилась, она была готова слушать и слушаться Алексея, обожать и любить его.

Настало утро. Стали накрывать столы. Народу звали немного, только родных и близких. После заутренней обещала прийти Матушка Игуменья, чему Алексей препятствовал, боясь, неприятностей на службе, но сдался уговорам Марфы и родителей.

В это время Андрей Иванович Корнев ехал по дороге домой, он освободился из заключения по амнистии и спешил поспеть к Покрову, престольному празднику в селе. Двое его сыновей тоже освободились, но ехать домой не спешили, хотели осмотреться в городе и куда-нибудь пристроиться.

Корнев пришел в дом прямо к праздничному застолью. Народ еще не собрался и поэтому, он в удивлении застыл в горнице, увидев накрытый по-праздничному стол.

– Кого же так встречают, Покров – праздник большой, или может меня?

Не меньше удивился и Алексей, который почти следом зашел в дом за тестем вместе с Натальей и его матерью. Матрена Власьевна с воплем упала в ноги Андрею Ивановичу:

– Родимый наш, батюшка, наконец- то, праздник- то какой!

И на свадьбу к дочке успел – не умолкала она.

Марфа тоже повисла на шее у отца. Только Алексей замялся и приходил в себя, не зная, что сказать. Он не ожидал увидеть тестя так быстро и так не вовремя.

Андрей Иванович сразу смекнул, что к чему. Он хотел было раскидать столы, устроить скандал, но вовремя остановился.

Выпив стакан бражки с дороги, он решил не лезть на рожон, а прежде осмотреться, что к чему и конечно, объясниться с Алексеем.

Свадьба прошла на удивление спокойно, никто не буянил, не подрался. Да и кому было буянить, когда мужики, которые

вернулись с войны, кто целый, кто раненый, сидели по своим углам и никак не могли определиться, на чьей они стороне и как им дальше существовать.

Глава 6. Где власть – там страх и обида.

С окончательным укреплением власти большевиков, крестьяне посчитали свою революционную миссию оконченной и не желали участвовать в Гражданской войне. Это еще более усилилось после введения нового чрезвычайного режима, известного как продразверстка.

По селам начались открытые восстания против коммунистов.

Членов продотрядов очень часто убивали. Когда же был издан приказ всеобщей мобилизации в ряды Красной Армии,

призывники массово не являлись в призывные пункты.

К 1920 году крестьянство раскололось на два противоположных лагеря. Одни протестовали против военной продразверстки, другие требовали немедленного возвращения

монархии, даже ценой возврата земли. Борьба и противостояние двух настроений была непримиримой.

Несмотря на низкую урожайность, большевики значительно увеличили объем хлеба, который крестьяне должны были сдать государству, в связи с большими расходами на борьбу с иностранной интервенцией.

Так и в селе образовалось два лагеря – одни «красные», те, которые поддерживали большевиков, в основном самые обедневшие и разорившиеся семьи, и другие «контра», те кто имел хозяйство и, кто был против Советской власти, хотел вернуть монархию, даже в ущерб себе.

Алексей, хотя и не был самым бедным крестьянином, но принадлежал к первым, а сейчас на посту председателя

Сельсовета, представлял власть. Корнев, принадлежал ко второму лагерю, но узнав, какую должность занял Алексей, сразу смекнул

о пользе создавшегося положения. Он сможет с ним спокойно жить дальше и остаться на плаву в это неприятное время. А глядя на светящуюся от счастья Марфу, начал думать, как приручить своего зятя.

Однако досада все-таки посетила его, когда он узнал от жены о якобы его «подарке» на свадьбу дочери. Не показав своего раздражения, он вдруг подумал, что Алексей не просто проник в его дом. Успокаивала лишь мысль о том, что брошка все равно оставалась в его семье. Корневу надо было объясниться с Алексеем и несколько дней спустя, выбрав удобный момент, завел разговор:

– Лексей, мы теперь одна семья и надо друг дружку держаться. Я не знаю, сказал, что Семка про эту вещицу или нет, он ведь ее нашел, но я боялся, что Вы наделаете с ней шуму, а богатство тишину любит, надо подождать, а то вместе с ней загребут, откуда и не выйдешь.

Ты малость приживись, а там видно будет, как с ней быть. Надо думать, так, чтобы ни одна вошь не придралась. У меня есть люди, которые подскажут, да и им я не все выложу, как есть. На свете всяко бывает и так бывает, что ничего не бывает.

– И вот оно что, – продолжал тесть, – у меня в лесу сруб припасен, ты устрой-ка его вывезти, дом поставим, а то негоже в примаках – то жить.

Алексей понимал, что тесть прав, пройдет это смутное время, а то может стать, что и добро может худом оказаться. Он

полностью согласился с отцом Марфы. А мечты о призрачном богатстве только будоражило его сознание и мутило разум.

Это заставляло его гнать время вперед, он жил будущими событиями, которые должны все в корне изменить. Сегодняшний день не радовал и мало интересовал его, он все делал как-то

отрешенно, всё время заглядывая в будущее, гнал день за днём.

Мысли точили и разъедали его душу так, что он иногда усилием воли старался прогнать их. Но время лечит, а голова знает, что делать. Он не раз приходил на озеро и старался угадать, где Семка схоронил кинжал. Мечты о призрачном богатстве не давали покоя.

В отличие от Марфы, которая еще больше расцвела и похорошела от счастья, Алексей был не весел. Ему было совестно перед братом за то, что он женился на Марфе, и ни молодая жена, ни пришедшее богатство не радовали его.

Односельчанин, приехавший из города, рассказал, как случайно встретил в городе Василия, где тот проходил военную переподготовку и учебу. Василий собирался отпроситься на несколько дней на побывку в село, но услышав о свадьбе Алексея и возвращении Андрея Корнева, передумал. После службы, так и не узнав, что произошло, он попросил отправить его на учет в Рабфак, в Высшую школу политработников. Его ходатайство удовлетворили, и он с отличием ее закончил.

Алексей понимал, что новая власть ничего хорошего народу не принесла. Ему приходилось теперь воевать не только с

односельчанами, но и со своими родственниками и бывшими приятелями, убеждая их подчиняться новым законам и

требованиям, выдвигаемые этой властью. Продразверстка, которой обложили село, была непомерно высока, но он всеми правдами и неправдами старался ее выполнить. Он привык работать и работать хорошо, подчиняясь приказам новой власти.

Он становился день ото дня жестче, упрямее и несговорчивее. Время делало его таким. Односельчане роптали, и с каждым днем ненавидели его больше и больше, эта ненависть относилась и к его тестю.

На жалобы и заявления, поступавшие на Алексея, высшее начальство не реагировало, считая это наговором и несогласием с пришедшей властью, что еще больше поднимало авторитет Алексея в их глазах.

Алексея даже не обрадовала весть о скором рождении первенца. Он не мог ни в чем упрекнуть Марфу, она стала хорошей хозяйкой, заботливой женой, но это еще больше

раздражало Алексея. Марфа же, все списывала не его занятость и особо ему не докучала. Родители Алексея не могли нарадоваться на свою невестку. Мать Алексея, как и мать Марфы, старались уберечь ее от тяжелой работы и ждали внуков.

Марфа по – прежнему, ходила в монастырь к Матушке

Игуменье, несмотря на протесты и ругань Алексея, запрещавший общаться с монахинями. Однако родители поощряли Марфу, а

иногда на службу ходили вместе с ней. Алексей особенно, ругался на своего отца, который по-прежнему оставался старостой прихода.

На стыке 20-х и 30-х годов ломали не только весь прежний быт и уклад старой деревни, но и душу русского крестьянства.

Решительная борьба с духовенством была настолько сильна, что о сопротивлении не могло быть и речи. Повсеместно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.